

ПЕВЕЦ БОРЬБЫ И СОЗИДАНИЯ

Наш гость —
Лев Ошанин

Певцом борьбы и созидания вошел в советскую литературу поэт Лев Ошанин. Свидетель и участник строек первых пятилеток, лично причастный к освоению природных богатств Советского Заполярья, вместе со всей страной прошедший через суровое горнило Великой Отечественной войны, здохновенный работник послевоенного строительства — таков Лев Ошанин в своей жизни и в своем творчестве. В прошлом году ему исполнилось семьдесят лет, но старости он неподвластен. «Мы молоды, пока мы любим», — написал он в одном из своих стихов. А любовь к своей Родине, к современникам у Ошанина крепка и неизменна.

Поистине народными стали песни Ошанина — гражданственные, мужественные, будящие в человеке чувства возвышенные и добрые. В годы Великой Отечественной войны утверждали веру в победу его песни «На Берлин», «Дороги» и многие другие. А как зажигателен для юных сердец «Гимн демократической молодежи мира»!

Сейчас лауреат Государственной премии СССР, профессор Литературного института имени М. Горького Лев Ошанин по приглашению Союза писателей и общества книголюбов ТАССР находится в нашей республике. Его творческие вечера состоятся в Казани, Зеленодольске, Брежнев, Нижнекамске и Альметьевске.

Предлагаем читателям небольшую подборку стихов, дающих представление о творчестве нашего гостя.

ПЕСНЯ О ТРЕВОЖНОЙ МОЛОДОСТИ

Забота у нас простая,
Забота наша такая,
Жила бы страна родная,
И нету других забот.
И снег, и ветер,
И звезд ночной полет,
Меня мое сердце
В тревожную даль зовет.
Пускай нам с тобой обним
Беда грозит за бедою,

Но дружба моя с тобой
Лишь вместе со мной умрет.
Пока я ходить умею,
Пока я глядеть умею,
Пока я дышать умею,
Я буду идти вперед!
И так же, как в жизни
каждый,
Любовь ты встретишь
однажды,

С тобой, как ты, отважно,
Сквозь бури она пойдет...
Не думай, что все пропели,
Что бури все отгремели,
Готовься к великой цели,
А слава тебя найдет.
И снег, и ветер...
И звезд ночной полет...
Меня мое сердце
В тревожную даль зовет.

КЕМ Я БЫЛ НА ВОЙНЕ?

Кем я был на войне?
Полузрячим посланцем из тыла,
Забракованный напрочно всеми врачами
земли.

Только песня моя
с батальоном в атаку ходила, —
Ясноглазые люди ее сквозь огонь
пронесли.
Я подслушал в народной душе
эту песню когда-то
И, ничем не украсив, тихонько сказал
ей: «Лети!»

И за песню солдаты
встречали меня как солдата,
А враги нас обонх старались убить
на пути.

Что я делал в тылу?
Резал сталь огневыми резцами.
Взявшись за руки,
в тундре шагали мы в белую мглу.
Город строили мы, воевали с водой
и снегами.

С комсомольских времен никогда
не бывал я в тылу.
Дай же силу мне, время, —
сверкающим словом и чистым
Так пропеть, чтоб цвели небывалым
цветеньем поля,
Где танкисты и конники
шляхом прошли каменистым,
Где за тем батальоном дымилась
дорога — земля.

РУБАШКА

Я верную руку почувствовать рад.
О Пабло Неруда, мой названный брат!
На празднике двадцатилетних юнцов
Мы встретились, съехались с дальних
концов.
За правду в могучих стихах, как и вы,
Его я любил издавала,

А я для него был частицей Москвы,
Был просто приветом с Востока.
И мы подружились у юных костров,
Где чувства острее и прямее.
И мы понимали друг друга без слов,
Слова понимать не умея.
Стук братского сердца я слышать
был рад,
О Пабло Неруда, мой названный брат!

Забить ли, как, в путь собираясь опять
Для жизни изгнанника тяжкой,
Мне Пабло вручил перед тем, как обнять,
На память вот эту рубашку.
А я подарил ему папку в ответ,
Платок фестивальный, всем флагам
под цвет.

И только в Москве лишь узнал я о том,
Какой мне подарок вручили —
Как прежде в России натальным крестом,
Рубашкой братаются в Чили.
И если ты братство согласен принять —
Обязан ты с тела рубашку отдать.
Не знал он, а было мне горько до слез, —
Хоть я не показывал виду, —
Что гордый чилийский изгнанник увез
С костра нашей дружбы обиду.

Пусть ложным был стыд, а не виделся я
С Нерудой года четыре,
Он едет в Москву, я в иные края.
Дороги не считаны в мире.
Но разве по мне эти прятки, друзья?
Любовь к нему разве ослабла?
Не лучше ли прямо сказать, не тая,
При людях:

— Прости меня, Пабло!
С народной вышивкой нашей —
в ответ —

Возьми-ка вот эту рубашку, поэт,
Носить ее в Чили тебя я прошу,
Как я твой подарок люблю и ношу.

Пускай мне немного она широка,
Пускай рукава длинноваты слегка, —
Но чувствую в ней я, далекий мой друг,
Бугры твоих мышц и тепло твоих рук,
Я слышу, как сердца удары гремят,
О Пабло Неруда, мой названный брат!